

Пресняков Александр Евгеньевич

Александр I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Евгеньевич П.**
Александр I / Пресняков Александр Евгеньевич – М.: Книга по Требованию, 2026. –
190 с.

ISBN 978-5-519-79518-0

ISBN 978-5-519-79518-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„прирожденный государь“ своей страны, говоря по-старинному, воспитанный для власти и политической деятельности, поглощенный мыслью о ней с детских лет, а в то же время — питомец 18-го века, его идеологического и эмоционального наследия, и вырос и вступил в жизнь для трудной, ответственной и напряженной роли правителя в бурный и сложный момент раскрытия перед сознанием правящей среды глубоких и тягостных противоречий русской действительности. Драма русской исторической жизни, как и его личная, разыгрывались в тесной связи и на общем фоне огромного европейского кризиса наполеоновской эпохи. Его „противоречия“ и „колебания“ были живым отражением колебаний и противоречий в борьбе основных течений его времени. Более восприимчивый, чем творческий, темперамент сделал его особенно человеком своего времени. Только на фоне исторической эпохи становится сколько-нибудь понятной индивидуальная психология таких натур.

1.

Российская империя в александровскую эпоху.

К исходу 18-го века только сложилась Европейская Россия в своих „естественных“ границах от моря и до моря. Закончена вековая борьба за господство на восточном побережье Балтийского моря (присоединение его северного, финляндского края, выполненное Александром I, имело лишь второстепенное значение упрочнения и обороны этого господства); закончена была борьба и за Черноморье, оставив в наследие преемникам Екатерины II „вопрос о проливах“; разделы Польши закончили вековую борьбу за Поднепровье, географическую базу всего господства над восточно-европейской равниной, хотя и с отступлением от петровского завета русскому империализму — сохранить всю Польшу опорой общеевропейского влияния России. Основные вопросы русской внешней политики были исчерпаны в их вековой, традиционной постановке, связанной со стихийным, географически обусловленным стремлением русского племени и русской государственности заполнить своим господством великую восточно-

европейскую равнину, овладеть ее колонизационными и торговыми путями для прочного положения в системе международных, мировых отношений Запада и Востока.

Территория Европейской России стала государственной территорией Российской империи. Обширность пространства, значительное разнообразие областных условий, экономического быта и расселения, племенных типов и культурных уровней — сильно усложняли задачу организации управления. Захват территории был только первым шагом к утверждению на ней устойчивой и организованной народно-хозяйственной и гражданской жизни. Само распределение по ней населения было еще в полном ходу. Переселенческое движение — столь характерное явление в быту русских народных масс — развертывалось не только в первой четверти, но и в течение большей части 19-го века, преимущественно в пределах Европейской России. На Юг, в Новороссию, на Юго-восток, к Прикавказью и нижнему Поволжью, отливают с Севера и Запада все новые элементы. „Новопоселенные“ в этих областях, „сходцы“ и „выходцы“ составляют значительный, даже преобладающий процент местного населения. И на новых местах они оседают не сразу, а ищут, в ряде повторных переходов, лучших условий хозяйственного обеспечения и бытового положения. Эта неизбежная подвижность населения стоит в резком противоречии со стремлением центральной власти к установлению повсе-

местно порядков „регулярного государства“ на основе закрепощения трудовой массы и стройно организованных губернских учреждений. Русское государство все еще в строительном периоде. Оно строится в новых, расширенных пределах приемами, окрепшими и созревшими в Великороссии, — на основе государственного „крепостного устава“¹⁾. Процесс крепощения, заверченный для центральных областей первыми двумя ревизиями 18-го века, систематически проводится в малороссийских и белорусских губерниях на основе 4-й и, особенно, 5 ревизии, рядом правительственных указов в развитие и дополнение основного акта — указа 1783 г., о прекращении „своевольных переходов“, которыми — по мнению верховной власти — нарушалось „водворяемое ею повсюду благоустройство“. Эта борьба государственной власти со всеми более или менее уцелевшими элементами „вольности“ в составе населения настойчиво завершалась при Александре I на всей территории империи — в Малороссии, потерявшей характер автономной провинции, в Новороссии и Белоруссии; завершалась торопливо, с назначением краткого — годовичного — срока на подачу исков для „отыскания свободы от подданства помещикам“, по истечении которого все сельское население закрепощалось по записям в пятой ревизии.

¹⁾ Ср. мою статью „Закрепоощение в императорской России“ — Архив истории труда, кн. 4.

Массовое закрепощение „вольного“ люда рассматривалось, как водворение „благоустройства“, как основа государственного строительства. Объединение обширной территории укреплялось повсеместным насаждением губернской власти, обычной для 36 центральных губерний, усиленной в форме генерал-губернаторств и военных губернаторств для остальных областей ¹⁾. Углублялась эта административная спайка всех частей имперской территории традиционными для центра социально-экономическими связями помещичьего землевладения и крепостной организации сельского хозяйства. По областям-окраинам растет и крепнет не только местное помещичье землевладение; сильное развитие получает крупное землевладение дворянства вельможного, столичного — по связям его с властным правительственным центром — и в Малороссии и, особенно, в областях, захваченных в эпоху польских разделов из состава бывшей Речи Посполитой. Раздача крупных населенных имений связывает материальные фамильные интересы правящего общественного слоя с завоевательной политикой центральной власти, развивает и питает в его среде воинственный, наступательный патриотизм, а затем тенденцию к безусловному подчинению присоединенных областей, с устранением

¹⁾ С 1815 г. в России было 12 генерал-губернаторств и военных губернаторств, не считая особого управления столиц, а также военных управлений земли Войска Донского и Кавказа.

их местных „привилегий“, общему для всего государства шаблону не только управления, но и земельно-владельческих, социально-экономических отношений.

✓ Российскую империю строила дворянская, крепостническая Россия. Но развитие внутренних сил страны требовало уже иных, более сложных приемов, не укладывавшихся в тяжкие традиционные рамки крепостного хозяйства и „крепостного устава“. Закрепление за империей черноморского юга принесло решительное углубление и усиление тяги России к торговым связям с общеевропейским, мировым рынком. Конечно, подавляющее значение Балтийского моря в русской внешней торговле остается в силе в течение всей первой половины 19-го века. Но русская экономическая политика прибегает со времен Екатерины II, с первых моментов утверждения России в Черноморьи, к ряду мер покровительства для развития южного, черноморского торгового пути. Сама колонизация края и систематическое его огосударствование, уничтожение Запорожской Сечи, подчинение донского казачества военной администрации, как иррегулярной боевой силы, упразднение всяческой „вольности“ на южных пространствах империи — связаны не только с организацией разработки местных почвенных богатств в привычных формах крепостного хозяйства, но не менее — с насаждением в новоустроеном краю гражданского порядка и казенного благоустройства, как основы для южных торговых путей и черноморской заграничной торговли. Императорская

Россия, еще Петром возведенная в ранг первоклассной европейской державы, усиленно стремится сохранить, утвердить и развернуть это свое международное значение, закрепляя его политические формы своей внешней политикой и расширяя его хозяйственную базу своей политикой экономической. Внутреннее развитие страны тесно связано с этими ее внешними отношениями. Возможно большее их расширение и углубление — неизбежный путь к росту ее производительных сил, ее материальной и духовной культуры, в частности — расширение торгового обмена. „Отпуск собственных произведений“ — говорил первый министр вновь учрежденного в 1802 г. министерства коммерции гр. Н. П. Румянцев — „оживотворяет труд народный и умножает государственные силы“. Открыть возможно шире для внешней торговли южный морской путь представлялось делом крайне заманчивым, особенно при тягостном для нее испытании в континентальной блокаде (1807 — 1811), когда и фактически несколько оживилось движение товаров через южные порты и сложились планы о порто-франко для Одессы, Феодосии, Таганрога. С мыслью об этих южных портах связывались планы об усилении хлебного экспорта, который занимал весьма незначительное место в тогдашней русской торговле, и даже об активной роли России в торговом обмене между Европой и Азиатским Востоком. Весьма было министерство торговли озабочено также усилением торгового сибирским путям с Китаем, созданием

транзитной торговли со Средней Азией и далее через нее, с далекой Индией.

Невелики были результаты всех этих опытов, порывов и проектов, по крайней мере, для относительного веса России в мировом обороте; 3,7 процента — в начале 19 в., 3,6 — в его середине: таковы цифры русской доли в этом обороте, по известным исчислениям Гулишамбарова ¹⁾. Сравнительно незначительным был и рост русского вывоза за 25 лет александровского царствования ²⁾. Русский торговый капитал и русская предприимчивость, им обусловленная, были слишком слабосильны для такого размаха. Внешняя торговля остается, преимущественно, пассивной. Не имея своего торгового флота, сколько-нибудь стоящего такого названия, Россия не только на Балтийском море была по части транспорта в руках иностранцев, преимущественно англичан, но и на Черном обходилась греческими и турецкими судами, хотя бы часть их плавала под русским флагом. Ведь даже в Азии русская торговля была почти целиком в руках армянских, бухарских, персидских купцов.

¹⁾ Как и для конца 19 в. всего 3,4 процента. — См. статью „Всемирная торговля“ в томе „Россия“ Энци. словаря „Брокгауз-Эфрона“.

²⁾ С 75 на 85 мил. руб. золотом, примерно. Цифры в ассигнациях — с 63 на 207 мил., приводимые Н. Н. Фирсовым в его очерке: „Зарождение капитализма и первый приступ к революции в России в первой четверти 19 в.“ — зависят от падения курса и потому не показательны.

Конечно, сугубо отражалось на русской торговле почти монопольное вообще господство Англии в мировом обороте. Единственная — в первой четверти 19 века — страна крупного машинного производства, Англия снабжала все страны своими изделиями. Для этой промышленности ей нужен был обширный ввоз различного сырья. А сырьем ее снабжала в значительных размерах, наравне с британскими колониями, Россия. Она же, также наравне с колониями, являлась значительным рынком сбыта произведений английской промышленности. В таком обмене Англия даже не теряла, если торговый баланс оказывался в пользу России: этим только увеличивалась покупательная сила контрагента. По всему складу русского социально-экономического быта этим контрагентом Англии было, преимущественно, русское крупное землевладение. Дворяне-помещики сбывали за границу продукты своего хозяйства, а из Англии получали сукно и тонкое полотно, мебель и посуду, украшения быта и писчебумажные принадлежности, всю обстановку барской жизни. Зарождавшаяся русская фабрично-заводская промышленность работала английскими машинами, а свои полуфабрикаты сбывала опять-таки в Англию, вывозившую, например, много русского железа, чтобы сбывать на русском же рынке свои законченные изделия. Англomania, широко распространенная в высших слоях русского общества начала 19 века, имела значительную материальную основу — экономическую

и бытовую — в интересах, вкусах и привычках русского дворянства. Подобно тому, как в начале 18 века Голландия служила образцом — почти воплощенным идеалом — страны с высоким уровнем народного богатства, техники и экономики, общественной и духовной культуры, так, и в еще большей мере, Англия стала, к исходу 18 века, обетованным краем высокой культуры и политического благоустройства для наиболее влиятельных, крупно-землевладельческих групп русского дворянства. В той же среде были весьма популярны политические идеи Монтескье, сквозь призму которых наши англоманы обычно смотрели и на английские учреждения. В применении новых политических представлений к русской действительности большую роль играло различие, согласно Монтескье, между деспотизмом и монархией: задачей желаемого преобразования русского государственного порядка ставилось устранение „самовластия“ и утверждение начал „истинной монархии“, что означало, в их понимании, устранение личного произвола с подчинением действий верховной власти основным действующим законам империи (в том числе жалованной грамоте дворянству 1785 года, которой его привилегии были утверждены „на вечные времена и непоколебимо“) под активным контролем правительствующего сената, полномочия которого должны быть также оформлены „основным“ законом, а политическое влияние усилено не только несменяемостью сенаторов, но и их избранием из состава „знатного